

ПЕТЕРБУРГ МЕЖДУ МИРАМИ

Семнадцать минут тишины

Петербургский Странник

Петербургский Странник

**Петербург между мирами.
Семнадцать минут тишины**

«Автор»

2026

Странник П.

Петербург между мирами. Семнадцать минут тишины /
П. Странник — «Автор», 2026

Игорь Семёнович Краев одиннадцать лет живёт по графику до минуты. Подъём в 6:47, кофе в 6:53, дверь квартиры — ровно в 7:10. Между этими двумя цифрами — семнадцать минут абсолютной тишины, единственное, что по-настоящему принадлежит ему в этой жизни. Пока однажды утром отражение в кофейной чашке не моргает на долю секунды раньше его самого. Дальше будет старый железный ключ, найденный там, где его не должно было быть. Лапшичная, которая то появляется в переулке, то исчезает без следа. Архитектор начала века, который сто восемнадцать лет в буквальном смысле держит на себе стену дома. Женщина из окна напротив — та, которую Краев видел одиннадцать лет и так и не узнал. И чёрный кот по имени Патапуф, появляющийся ровно тогда, когда нужен проводник в город, нарисованный карандашом, но так и не раскрашенный. Если вы устали от картонной мистики и хотите историю, пахнущую мокрым гранитом и туманом над Невой, — Петербург уже открыл вам дверь. Осталось просто переступить порог.

© Странник П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Предисловие	6
Семнадцать минут тишины. День первый	7
Семнадцать минут тишины. День второй	9
Семнадцать минут тишины. День третий	12
Семнадцать минут тишины. День четвёртый	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Петербург между мирами. Семнадцать минут тишины

Глава

Содержание

Предисловие

Семнадцать минут тишины. День первый

Семнадцать минут тишины. День второй

Семнадцать минут тишины. День третий

Семнадцать минут тишины. День четвёртый

Семнадцать минут тишины. День пятый

Семнадцать минут тишины. День шестой

Семнадцать минут тишины. День седьмой

Семнадцать минут тишины. День восьмой

Семнадцать минут тишины. День девятый

Семнадцать минут тишины. День десятый

Послесловие

Об авторе

Предисловие

Эта история началась для меня с одной строчки.

Я нашёл её в записной книжке архитектора Николая Александровича Вернера — настоящего, человека, спроектировавшего на Петроградской несколько доходных домов в начале века. Запись была короткой:

«Анна сказала сегодня, что уже бывала здесь. Не в этом доме — здесь, в этом времени. Я не понял, что она имела в виду».

Дальше в книжке шли пустые страницы. Много. До самого конца.

Это, скажу честно, зацепило меня сильнее, чем если бы там было написано продолжение. Потому что пустые страницы у архитектора — это не «не дописал». Архитекторы так не делают. Архитектор оставляет пустое место только тогда, когда знает: туда напишет кто-то другой.

Вот я и подумал: ладно. Раз место оставлено — заполню.

Так получилась эта книга.

Десять глав. Один герой — Игорь Семёнович Краев, инженер-проектировщик, человек, у которого слишком долго всё было правильно. Одна женщина в окне напротив. Один ключ. Один дневник. Один кот, который появляется и пропадает когда хочет и от которого лучше не ждать объяснений. И один город, который — да, готов это подтвердить под протоколом — иногда смотрит на нас в ответ.

Я не скажу, где находится этот дом. Тот, кому надо, всё равно найдёт. Тот, кому не надо, — пусть лучше не находит.

Один совет напоследок. Не читайте эту книгу залпом. Лучше — по главе в день, утром, с чашкой кофе. И если вдруг в процессе чтения вам покажется, что отражение в вашей чашке моргнуло раньше вас — не пугайтесь.

Просто моргните в ответ.

Возможно, это знакомство.

Ваш Петербургский Странник

Семнадцать минут тишины. День первый

Игорь Семёнович Краев просыпался ровно в 6:47 утра уже одиннадцать лет подряд. Без будильника — организм когда-то давно просто принял это решение и с тех пор с хозяином не советовался.

Дальше всё шло по заученному, математически выверенному графику. В 6:49 он уже стоял у плиты, гипнотизируя взглядом медную турку: две ложки кофе, крошечная щепотка соли на кончике ножа и огонь, выкрученный на самый минимум. В 6:53 Краев неизменно садился за кухонный стол у окна, а ровно в 7:10 — щёлкал замком входной двери. Эти семнадцать минут за столом, в абсолютной, звенящей тишине, принадлежали только ему.

Жизнь его была устроена правильно. Не счастливо — это разные вещи. Счастье всегда требовало резких движений, вспышек и драм, оно вечно выбивало почву из-под ног. Правильность же гарантировала, что все вещи в мире останутся на своих предсказуемых местах, позволяя голове лишний раз не включаться.

Краев сознательно выбрал этот покой. Его полностью устраивала серая пятиэтажка на Петроградской стороне, сонный вид на глухой двор-колодец с одиноким старым тополем и монотонная работа в проектном бюро. Коллег по кабинету он знал исключительно по именам, но никогда не интересовался их характерами или жизнями — так было безопаснее для всех. Ужин в половине восьмого, сухие новости по телевизору в десять, сон в одиннадцать. По пятницам — строго одна рюмка коньяка, по воскресеньям — дежурный звонок матери в Тверь. За окном Петроградка могла сколько угодно дребезжать трамваями и шуметь вечными стройками, но весь этот хаос оставался снаружи его брони.

Однако в то июньское утро привычный порядок едва заметно сдвинулся. Кофе получился чуть крепче обычного — Игорь Семёнович на секунду отвлёкся на шорох за стеной и самую малость передержал турку на конфорке.

Он сел к столу, обхватив ладонями горячие бока старой фаянсовой кружки. На её ручке темнела едва заметная волосяная трещина — Краев каждый месяц собирался выбросить кружку, но почему-то из раза в раз оставлял. За окном в сизом утреннем мареве застыл тополь. Дерево казалось неестественно неподвижным, словно его нарисовали на стекле плохой гуашью.

Напиток в кружке был тёмным, почти чёрным, без единой пенки. От горячей поверхности поднимался тонкий, едва уловимый пар, пуская по маслянистой глади лёгкую рябь, и размытое отражение Краева смотрело на него снизу вверх.

Всё шло как всегда — пока что-то не сдвинулось.

Отражение определённо принадлежало ему: те же глубокие залысины, та же привычная угрюмая складка между бровей. Но складка эта была чуть глубже. На полтона. Так, что заметить мог только сам Краев — человек, который сорок восемь лет видел в зеркале одно и то же лицо.

А потом ему вдруг показалось, что отражение моргнуло. На какую-то нелепую долю секунды раньше него самого.

Или, может, наоборот — позже. Краев не успел понять.

Игорь Семёнович оцепенел. Три секунды, может, четыре — он не мог вздохнуть, вглядываясь в собственное лицо на дне кружки. Лицо смотрело в ответ — пристально, не мигая, и словно ждало, когда живой человек первым отведёт глаза.

Затем где-то далеко внизу, во дворе, с грохотом захлопнулась железная дверь подъезда, ветка тополя качнулась, и по поверхности кофе пошла крупная волна. Иллюзия лопнула. В кружке снова был обычный остывающий напиток и обычные блики света. Краев допил всё до капли, механически поставил посуду в раковину, надел пальто и вышел.

Уже в лифте, среди чужих запахов и тусклого света, он поймал себя на странной мысли: он совершенно не помнит вкуса. Пил этот кофе семнадцать минут, а во рту осталась только сухая, вяжущая горечь. Вкус своего утреннего кофе он помнил всегда.

Когда Краев открыл тяжёлую парадную дверь и шагнул во двор, он первым делом посмотрел на тополь. Старое дерево стояло в абсолютной, мёртвой неподвижности — слишком застывшим для петербургского утра.

Но ветер был. Краев чувствовал его на лице

Семнадцать минут тишины. День второй

Игорь Семёнович Краев вернулся с работы в половине восьмого вечера — минута в минуту, как всегда. Разогрел вчерашний суп, съел его без малейшего аппетита и привычно вымыл тарелку. Новости по телевизору включил и выключил уже через три минуты: там говорили что-то про заторы на КАД, и к его жизни это не имело никакого отношения. Лёг ровно в одиннадцать.

Но не спал до двух ночи.

Он лежал, уставившись в глухую темноту над головой, и думал о том, что завтра же необходимо записаться к хорошему окулисту. Отражение не может замереть и смотреть на человека. Это физически невозможно, против всех законов оптики. Значит, усталость. Значит — проблемы со зрением. С этой успокоительной мыслью он наконец заставил себя уснуть.

Утром привычный алгоритм восстановился. Краев поднялся в 6:47, в 6:49 залил турку, а в 6:53 уже сидел у окна. Правда, эти семнадцать минут за столом он провел, почти не отрывая взгляда от черной фаянсовой глади. Но кружка с трещиной вела себя смирно. В ней отражалось обычное, серое утреннее лицо. Самое обыкновенное. Краев облегченно вздохнул, допил кофе и ровно в 7:10 вышел.

На улице плотной стеной шел ливень. Не привычная питерская морось, которую Краев обычно просто не замечал, а тяжелый, сердитый июньский потоп, с личным раздражением лупивший по асфальту. Он раскрыл старый черный зонт с погнутой спицей — чинить ее времени не было, да и маршрут до метро Большая Пушкарская занимал всего восемь минут. Краев пошел, глядя строго под ноги.

Он остановился на середине пути. Не потому, что принял решение. Ноги остановились сами.

Между вывеской дежурной аптеки и глухой дверью обувной мастерской обнаружился узкий, темный провал, которого Краев здесь не помнил. В глубине тупика светилось единственное окно. За запотевшим стеклом угадывались стертые, то ли японские, то ли китайские иероглифы. Из щели под дверью наружу пробивался густой, невероятно плотный запах горячего имбиря и соленого наваристого бульона.

Краев посмотрел на часы. До работы оставалось сорок минут. Он никогда в жизни не опаздывал. И все же его рука сама толкнула низкую деревянную дверь. Колокольчик над головой звякнул сухо и коротко, будто фиксируя прибытие.

Сбой произошел на втором шаге. Мокрые ботинки Краева мгновенно поехали по скользкому полу. Он нелепо взмахнул руками, зонт с грохотом вылетел куда-то в темноту, а сам Игорь Семёнович со всего маху полетел на доски пола, больно отбив ладони и правое запястье.

Посуда на стойке жалобно звякнула. Большая, исходящая паром глубокая пиала с раме-ном, которую старик-повар как раз собирался переставить, от вибрации сдвинулась и замерла в сантиметре от края. Густой бульон выплеснулся на темную древесину столешницы.

Несколько секунд Краев сидел на полу в нелепой, унижительной позе, чувствуя, как бешено колотится сердце. За свои сорок восемь лет он почти никогда не падал. Тело всегда идеально держало баланс. Ситуация казалась дикостью — будто он случайно провалился в дешёвый телесериал, где взрослые люди зачем-то глупо и картинно падают на ровном месте.

— Присаживайтесь, — невозмутимо произнес старик в темном фартуке, даже не повернув головы в сторону улетевшего зонта. — Раз уж все равно приземлились. Рамен сегодня с говядиной.

Краев молча поднялся, чувствуя, как влажные брюки неприятно липли к коленям. Подобрал зонт, пристроил его у входа и сел на свободный табурет. Спорить или уходить теперь, после такого позорного вступления, было выше его сил.

За соседним столиком отстраненно ела точно такой же рамен какая-то женщина. Она даже не подняла глаз на шум. Краев придвинул к себе пиалу. Запах лапши был настолько осязаемым, что у него защемило где-то в груди — словно этот вкус он уже знал. Очень давно. В той жизни, которой у него никогда не было. Он ел молча, стараясь ни о чем не думать. Снаружи по стеклу хлестал дождь.

Где-то на середине порции, когда лапша на дне разошлась, Краев зацепил палочками что-то твердое. Он аккуратно поддел предмет. На поверхность, оставляя жирные разводы на бульоне, показался старый, тяжелый железный ключ с узорчатым ушком. Его точно не могло быть в тарелке. Краев сам проектировал узлы машин и прекрасно знал, что такие вещи не попадают в еду случайно.

Он осторожно вытащил ключ и опустил на стол. Металл матово переливался в полумраке чайной.

— Он тебя выбрал, — раздался глухой голос старика. Тот смотрел прямо на него, отложив в сторону кухонное полотенце.

— Или ты его.

Краев нахмурился, чувствуя, как к горлу подступает привычное раздражение рационального человека.

— Что за чушь? Это ваш ключ. Возьмите его обратно.

Старик молча отвернулся к плитам, словно потеряв к разговору всякий интерес. Краев обернулся, чтобы призвать в свидетели женщину за соседним столом, но столик был абсолютно пуст. Лишь на чистой деревянной поверхности одиноко стояла пиала с недоеденным раменом, над которой еще вилась тонкая, едва заметная струйка пара. Ни звука шагов, ни скрипа половиц, ни звона колокольчика Краев не слышал.

Логическое объяснение обязано было существовать. Женщина могла выйти в уборную. Старик просто суеверен. А ключ... ключ мог подбросить кто угодно, пока он бездумно смотрел в тарелку.

Игорь Семёнович решительно сжал железный стержень в кулаке, собираясь швырнуть его на стойку и уйти. И тут же замер. Металл в ладони оказался теплым. Не горячим от супа — это Краев понял сразу. Тепло было странным: слишком ровным, глубоким и долгим для холодного железа. Словно он держал за руку живого человека.

Он машинально сжал кулак сильнее, ощущая пальцами четкий рельеф бородок. Внутри Краева снова, как вчера у кофейной кружки, что-то едва заметно сдвинулось со своего монолитного места.

Разжимать пальцы вдруг перехотелось. И вовсе не потому, что он боялся оставить ключ здесь. Просто Краев неожиданно поймал себя на странной, почти детской мысли: что, если он сейчас откроет кулак, а ладонь окажется пустой?

Семнадцать минут тишины. День третий

Игорь Семёнович Краев добрался домой в половине десятого вечера — почти на два часа позже обычного. В лапшичную на Большой Пушкарской он так и не вернулся: когда наконец решился встать из-за табурета, невозмутимый старик молча указал ему на дверь и отвернулся к плите. Счёта не было. Краев постоял секунду, неловко положил на деревянную стойку двухсотрублёвую купюру и вышел под непрекращающийся ливень.

Железный ключ он нёс в глубоком кармане куртки, принципиально не сжимая в ладони. Так было спокойнее. Если физически не трогать металл, можно почти убедить своё рацию, что это просто кусок старого лома. Чужая, забытая кем-то вещь, которую он зачем-то поленился выбросить в урну у метро.

Дома он разделся, повесил на вешалку мокрую куртку и прошёл на тёмную кухню. Положил ключ на стол, прямо рядом со своей кружкой — той самой, с волосяной трещиной на ручке, которую он одиннадцать лет собирался выбросить и не выбрасывал. Сел напротив и стал смотреть.

Он даже попробовал поискать клеймо через смартфон. Набрал в строке поиска: «старинный ключ монограмма буква В». Интернет лениво вывалил ссылки на антикварные лавки, форумы коллекционеров и рекламу современных врезных замков. Ничего даже близко похожего. Краев раздражённо отложил телефон. В какой-то момент он со злостью поймал себя на том, что сидит в полумраке напротив куска железа и чего-то ждёт. Будто вещь сейчас начнёт перед ним объясняться.

При блёклom свете кухонной лампы он наконец разглядел детали. Узорчатое ушко с монограммой — буква «В», стилизованная под старославянский шрифт. Бородка сложная, явно не для простого замка. Такие ключи Краев видел только в музеях и на старых фотографиях — начало века, не позже. Он осторожно потянулся и снова взял ключ в руку.

Тепло было на месте. Всё то же живое, неприятное тепло.

А затем кухня исчезла.

Не резко — плавно, как гаснет свет, когда медленно крутят реостат. Стол, лампа, окно с тополем — всё это никуда не делось, но вдруг стало прозрачным, как тонкая инженерная калька, наложенная поверх готового чертежа. А сквозь эту кальку отчётливо проступило другое время.

Потолок старой кухни стал выше — исчезли советские панели, открывая взору лепной карниз. Окно сузилось. У стены — чертёжный стол, заваленный листами ватмана. На нём латунный циркуль и стопка книг в тёмных переплётах. Керосиновая лампа. За столом сидел человек.

Краев смотрел на него и не сразу понял, почему так неуютно. Потом понял. Человек сидел в точно такой же позе, как сейчас сидел сам Игорь Семёнович. Та же посадка, тот же тяжёлый наклон головы. Только одежда другая, и на столе вместо кружки с трещиной у него стоял стакан чая в витом подстаканнике. На гравировке подстаканника угадывался знакомый узор — точно такой же предмет много лет лежал у Краева в серванте за чайным сервизом, и Игорь Семёнович всегда считал его копеечным мельхиором. Сейчас, сквозь кальку времени, было ясно видно: серебро.

На краю ватмана лежал тубус с инициалами: «Н.А.В.». Имя всплыло в сознании Краева само по себе, как во сне. Николай Александрович Вернер. Архитектор.

Вернер держал в руках чертёж и смотрел на него с выражением, которое Краев хорошо понимал — несоответствие. Когда цифры в расчёте сходятся, а результат всё равно неправильный. На ватмане был нанесён план этого самого этажа. Этой квартиры. Краев узнал расположение комнат, но в прихожей был обозначен дверной проём, которого сейчас не существовало. Между кухней и тем местом, где у Краева стоял платяной шкаф.

Дверь на чертеже была обведена дважды. Один контур — карандашом, твёрдой инженерной рукой. Второй — поверх, тонким, почти невидимым следом, будто кто-то водил по бумаге не грифелем, а ногтем. Этот второй контур не совпадал с первым на полсантиметра. От этого зазора становилось физически не по себе — как будто дом сам не мог решить, где заканчивается стена. Вернер ставил палец то на один, то на другой — и не понимал, какой из них настоящий.

Потом в дверь постучали. Не в ту, замурованную, а в обычную, входную. Вернер встал и пошёл открывать. Краев — невидимый, бестелесный — двинулся следом.

Из открывшейся двери на лестничную клетку шагнула женщина. Молодая, тёмное пальто, мокрые волосы — она тоже пришла под этот ливень, через сто с лишним лет от Краева,

но дождь был один. На её шее блеснула тонкая цепочка с крошечной буквой «А». Она ничего не сказала. Только посмотрела на Вернера так, как смотрят на человека, которого уже похоронили внутри себя — без злости, без надежды. И протянула ему маленькую чёрную лаковую шкатулку.

Вернер взял. Хотел что-то сказать — Краев видел, как дёрнулись его губы. Не сказал. Женщина повернулась и пошла вниз по лестнице, ни разу не обернувшись. Вернер долго слушал, как затихают её шаги, а потом вернулся к столу и открыл шкатулку.

Внутри, на тёмном бархате, лежал ключ. Точно такой же, как у Краева в руке, но монограмма была другой — «А».

Вернер очень долго смотрел на оба ключа рядом. А затем сделал странную вещь — закрыл шкатулку, не вынимая ключа, и убрал её куда-то под чертёжный стол, в нижний ящик. Так прячут не то, что хотят сохранить. Так прячут то, на что больше не могут смотреть.

Свой ключ — с буквой «В» — он сжал в кулаке, подошёл к стене и вставил его в замок, которого Краев никогда не видел. Повернул. Дверь открылась внутрь, в темноту, из которой не тянуло ни сквозняком, ни запахом — просто темнота, плотная и неподвижная, как стоячая вода. Вернер шагнул внутрь, и дверь закрылась сама.

Калька порвалась. Кухня вернулась — лампа, стол, тополь за окном. Краев сидел неподвижно, тяжело дыша. Потом встал, прошёл в прихожую и упёрся руками в тяжёлый платяной шкаф, который сам собирал по инструкции. Судорожно отодвинул его от стены.

Под шкафом на полу была полоса — старая, едва заметная, но совершенно отчётливая для человека, умеющего читать строительные следы. Дверной порог. Замурованный, зашпаклёванный, покрашенный — но порог.

Краев вернулся на кухню и сел. Медленно обвёл взглядом комнату.

Серебряный подстаканник в серванте, который он одиннадцать лет считал мельхиором. Латунный циркуль на подоконнике, который он нашёл в кладовке при въезде и оставил «просто так». Книги в тёмных переплётах на полке — ни разу не открыл, но и не отдал. Старый зонт у входа с погнутой спицей — новые он покупал трижды, и трижды они куда-то пропадали, а этот неизменно возвращался.

Он одиннадцать лет жил среди этих вещей и был уверен, что они — его. Сейчас становилось ясно: всё ровно наоборот. Это они его держали.

На правах такой же чужой, кем-то забытой здесь вещи.

Краев машинально перевёл взгляд на настенные часы.

Стрелки упрямо показывали 6:53. Утро.

За окном стояла глухая, чёрная июньская ночь. Дождь методично лупил по стеклу. Но стрелки замерли на той самой утренней отметке — начале его семнадцати минут тишины. Тех

самых семнадцати минут, ради которых, как он только теперь понимал, и был выстроен весь его правильный, выверенный, мёртвый порядок.

Краев подошёл вплотную и прижался ухом к стеклу циферблата. Часовой механизм внутри спокойно и размеренно тикал. Секундная стрелка двигалась вперёд. Медленно. Непреклонно.

Часы шли. Время — стояло.

И Краев впервые за одиннадцать лет отчётливо понял, что эти семнадцать минут тишины принадлежали вовсе не ему.

Семнадцать минут тишины. День четвёртый

Краев не помнил, как уснул.

Он помнил только, что после возвращения часов в нормальный ход — а они вернулись, дёрнувшись, как застрявший лифт, и тут же отщёлкав сразу пятнадцать часов вперёд, на 21:54, — он ещё долго сидел на кухне с ключом в кулаке. Потом, кажется, выпил воды из-под крана. Потом, кажется, прошёл в комнату. А дальше — провал. Будто кто-то аккуратно вырезал из памяти кусок плёнки и склеил края, даже не пытаясь скрыть монтаж.

Очнулся он от того, что острый край бородки впивался в ладонь. Краев лежал на спине поверх одеяла, не сняв рубашки. Пальцы правой руки были сведены судорогой вокруг железа. Когда он попытался разжать кулак, металл не отпустил — будто за ночь прирос к коже. Краев потянул сильнее. В ладони что-то сухо хрустнуло.

Не в кости. В ключе.

Краев дёрнулся.

По узорчатому ушку — по самой монограмме «В» — прошла тонкая, как волос, трещина. Точно такая же, как на ручке его старой фаянсовой кружки. И из этой трещины беззвучно сочился свет. Не яркий, не цветной — просто свет, как из приоткрытой двери в соседнюю комнату, где кто-то забыл выключить лампу.

«Так не бывает», — подумал Краев совершенно отстранённо, будто комментировал чужой инженерный просчёт. «Металл не светится. Металл не пропускает свет. Это базовая физика, седьмой класс».

Свет, не слушая физики седьмого класса, потёк по запястью вверх — к локтю, к плечу, к ключице. Краев почувствовал, как кровать под ним становится прозрачной. Потом — пол. Потом — он сам.

И провалился.

Пал он недолго. Или очень долго — время в падении вело себя так же неприлично, как часы накануне. Когда подошвы ботинок наконец коснулись чего-то твёрдого, Краев обнаружил, что стоит на лестничной клетке. Своей. Только лестница была другой: чугунные перила с виноградной лозой, метлахская плитка в шахматном порядке, газовый рожок у поворота. Пахло мокрой шерстью, керосином и — почему-то — корицей. И почему-то — старой зимой, хотя за окном должен был быть июнь.

Дверь в его квартиру была приоткрыта.

Краев толкнул её плечом и вошёл. В прихожей, той самой, где сейчас стоял платяной шкаф, теперь была дверь. Та самая, с чертежа. Узкая, тёмного дуба, без ручки — только замоч-

ная скважина под монограмму «В». Из-под двери тянуло холодным сквозняком, и сквозняк этот пах стоячей водой.

В кабинете — там, где у Краева теперь была кухня, — горела керосиновая лампа. За чертёжным столом сидел человек. Краев узнал посадку прежде, чем увидел лицо. Своя собственная посадка, отрепетированная сорок восемь лет.

Вернер поднял голову. И посмотрел прямо на Краева.

— Долго же ты, — сказал он спокойно, без удивления. Голос был низкий, чуть хрипловатый — голос человека, который много курит и мало говорит. — Я думал, ты дойдёшь раньше. Лет десять назад.

Краев открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Вы... вы меня видите?

— Я тебя жду, — Вернер отложил карандаш. Карандаш не упал — повис в воздухе на полпальца над столом и медленно опустился, будто здесь, в этом времени, гравитации не доверяли до конца. — Это не одно и то же, но в твоём случае — почти.

«Ладно, — подумал Краев, глядя в это знакомое-незнакомое лицо. — Ладно. Допустим. Допустим, я сошёл с ума. Это, кстати, самое спокойное из объяснений. Спокойнее даже, чем "правильная жизнь". Сумасшедшим не нужно вставать в 6:47. Сумасшедшим вообще ничего не нужно».

«А если честно — если совсем честно, по-настоящему, без этого вечного внутреннего "что подумают", — то я ведь рад. Стою тут, в чужом столетии, перед мёртвым архитектором, у меня в руке треснувший ключ, и я — рад. Впервые за чёрт знает сколько лет внутри что-то происходит. Не семнадцать минут тишины. А вот это — живое, неудобное, страшное. И мне это нравится, и я никогда, никому, ни одной живой душе в этом не признаюсь.

Потому что, если признаешься — однажды придётся перестать притворяться, что тебе и так нормально.

А я не умею. Я только и умею, что турку на минимальном огне».

«И ещё — про Анну. Про ту женщину с буквой «А» на цепочке.

Я знаю, что должен про неё спросить. И не спрошу. Потому что боюсь услышать ответ, в котором окажется, что её можно было догнать. Что он мог. Что любой мог. И я тоже».

— Что вам нужно? — спросил Краев вслух. Голос вышел сиплый.

Вернер усмехнулся — одним углом рта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.